

СКВОЗЬ
ОГОНЬ
ИСПЫТАНИЙ

Екатерина Рыкунова

Сквозь огонь испытаний

<https://litres.ru/74169859>

SelfPub; 2026

Аннотация

Надежда из города Богуслава, расположенного под Киевом, пережила непростое детство. Затем она оказалась в концлагере, где провела три года.

После освобождения Надежда вернулась домой и активно занималась помощью в церкви.

А также другие, пусть и более короткие, но не менее значимые истории о людях, которые жили в те непростые времена и с отвагой отстаивали свои убеждения.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сквозь огонь испытаний

Глава

СКВОЗЬ ОГОНЬ ИСПЫТАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение	к	читателю
.....		3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. На жизненных дорогах

Раздел	1	Начало	моего	источника
.....				4

Раздел	2	Поиски	счастья
.....			10

Раздел	3	Время	войны	и	время	мира
.....						18

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Жизнь за колючей проволокой

Раздел	1	Дорога	в
.....			22

Раздел	2	Будни	в	концлагере.....	28
Раздел	3	Новые		испытания.....	39
Раздел	4	Долгожданная		свобода.....	44

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Поверить и победить

Раздел	1	Возрождение	из	руин.....	52
Раздел	2	Подарок		судьбы.....	59
Раздел	3	Покорение	сложных	вершин.....	65
Раздел	4	Труд на	служительской	ниве.....	75
Раздел	5	Миссия Христа	в	Богуславе.....	83

«ПУТЬ К КОММУНИЗМУ»

Галина	Бакал	89
--------	-------------	----

«ВЫСШАЯ ВОЕННАЯ ШКОЛА... ХРИСТА»

Николай	Шнуренко	92
---------	----------------	----

Обращение к читателю

Тревога, неуверенность, отчаяние, груз нерешенных вопросов - чувствовали ли Вы что-то подобное? Если да, то где вы искали поддержку? Что является для Вас утешением и ободрением в сложных жизненных ситуациях? Одним из удивительных, дарованных Богом средств укрепления нашей веры является изучение жизненного опыта людей старшего поколения. «На дорогах остановитесь и взгляните, и спросите о древних тропах, где то добрая дорога, то по ней идите, и найдете мир душе своей!» Иерем.6:16

Современному человеку легко верить, потому что нет препятствий, и вместе с тем современный человек бывает обделен опытом с Богом. Предлагаем обратиться к тропам не совсем далеким. Они вот только пройдены, но сколько любви Божьей они перед нами открывают. Путь веры, надежды и любви - тернистый путь к Небесам, освещенный сиянием Божьего присутствия. На нем находим особое мужество, стойкость, неземное терпение. Те, кто прошли его, были простыми людьми, но они преодолели все жизненные препятствия, именно благодаря полному доверию Всемогущей силе Высшего!

Именно таким вдохновляющим подвигом веры открыва-

ются перед нами страницы жизни Надежды Иосифовны Дяченко, жизненный путь которой проходил через колючую проволоку концлагерей, и тесно связанный с духовными испытаниями Богуславщины.

Человеческая ее скромность колебалась, выносить ли события своей жизни на человеческую общественность. Но Слово Божье говорило к сердцу: «... иди к дому своему, к своим, и им расскажи, какие великие дела сотворил с тобою Господь, и как сжалился над тобой!» Марка 5:19.

В силу несовершенства своей памяти каждый человек не может вспомнить в точности то, что было в прошлом. Если не будут упомянуты чьи-то имена, этим никто не хотел уменьшать их вклад в жизнь и миссию церкви Божией. Господь знает все имена и каждую мелочь нашей жизни, поэтому самое главное - быть записанными в Его книге жизни. Книга - воспоминаний "Сквозь огонь испытаний" - это взгляд Надежды Иосифовны на жизнь, события, людей... Ее попытка собрать в кучу отрывки из памяти в единое целое, выстроить историческую цепь становления Богуславской общины, переплетая ее со своей судьбой.

Главная цель этого сборника - восстановить в сердцах читателей Веру, Надежду, Любовь. Чтобы каждый мог сказать: «Велики и чудны дела Твои, о Господь, Боже Вседержитель! Справедливы и праведны пути Твои, о Царь святых!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На жизненных порогах

Раздел 1

Начало моего источника.

Течет, пенится, переливается неукротимыми волнами полноводная река человеческой жизни. На ее пути встречаются стремительные ручьи. Словно споря, кто первым соединится с ее водами, они впадают один за другим в реку, образуя таким образом гигантскую природную стихию. За ручьем радости бежит ручей печали, за печалью - утешение и надежда, а дальше - снова испытание... Но как каждая река начинается с маленького родника, дающего жизнь полноводным рекам, так и земной путь человека имеет свое начало, маленькую родину, с которой он связан на всю жизнь.

Родилась я в далеком 1918 году в крестьянской семье Иосифа Гнатовича и Федоры Петровны Кравченко. Гостеприимное живописное село Мисайловка, что на Богуславщине Киевской области, стало моим родным домом. Я росла в небольшой, по тем годам, семье - папа, мама, сестра Прасковья, брат Тимофей.

Все крестьяне известны своей любовью к труду, старались не отставать от других и мои родители, поэтому имели все необходимое в хозяйстве. Только бы жить и радоваться, да беда приходит неожиданно: в 1920 году умирает отец

- Иосиф Гнатович. А что такое потерять голову семьи, кормильца, а особенно в те годы? Хотелось жить и хозяйничать так, как было при отце. Но хотеть и иметь возможность - разные вещи. Жить стало тяжело.

Старшая моя сестра Паша вышла замуж и переживала уже за свою семью. У нее были свои проблемы, потому что муж часто заглядывал в рюмку. Постепенно мы начали терять то, что мать с отцом нажили в годы совместной жизни. Было горько видеть, как с хозяйства исчезали ценные вещи. Однако, необходимо было их продавать, чтобы было на что жить. Искали любой путь, чтобы хоть где-то найти какую-то копейку.

И мать решила выйти замуж во второй раз. Думала, что с мужем все-таки надежнее бороться с бременем проблем. Надеялась, что вернем свое хозяйство и будет как раньше. Но все надежды разбились, как хрупкий лед. Отчим работал по наймам, ездил по лесам заготавливал дрова. Часто, оставляя свое хозяйство, ездили за ним и мы. Таким образом еще больше обеднели. К тому же отчим часто пропивал заработанные деньги. А мать всегда беспокоилась о своих детях, иногда делая странные, на первый взгляд, шаги. Моя мама решила отдать меня богатым людям присматривать за детьми. Там было что поесть, а дома у нас были только пустые полки.

Это только сказать просто: "присматривать за детьми". А как я могла ухаживать за ними, когда сама была еще ребен-

ком? Имела неполных шесть лет. Часто плакала, убегала от туда домой, а мама снова отводила обратно и оставляла. Ибо страх смерти от голода был сильнее моих слез и мольб. А потом произошло событие, которое в будущем полностью изменило направление моей жизни.

В 1926 году в селе Мисайловка появились христиане - адвентисты, проповедовавшие второе пришествие Христа. Первым членом церкви там был Вистратенко Зиновий, который во время Первой мировой войны принял истину от брата Куземки Василия, члена церкви из Безугляков. Кстати, по состоянию на 1 декабря 1907 года в Безугляках насчитывалось четыре члена церкви, а в Богуславе - 28.

Правдивая весть из Слова Божьего начала распространяться по Мисайловке. Обычно, услышав что-то новое, люди сначала анализируют, взвешивают, а затем принимают решение. Эта истина проникла в сердца моей сестры Максименко Прасковьи и ее мужа Михаила, а также супругов Дяченко Ивана Иосифовича и Пелагеи Петровны. Сестрин муж перестал пить, стал настоящим хозяином, что было сильным свидетельством для нас с мамой. Мы удивлялись, Кто же это мог так изменить человека, на которого все уже махнули рукой. Это побудило меня познакомиться с Тем, Кто меняет человеческие сердца и делает жизнь на земле более радостной. Правду говорят, что детское сердце, как глина: что захочешь, то и слепишь из него. Однажды посетив собрание, я хотела туда снова и снова. Туда, где вечерние песнопения

каждую пятницу проникали в душу, где вдумчиво читали и объясняли Библию.

Одно было горько моему сердцу - мама не приняла новую веру Паши, назвав ее еврейской. Мол, здесь нужно семью кормить, а не молиться, куда-то ходить и без дела сидеть. И то ее решение обернулось для нас бедой. Жизнь была тяжелой, а еще и отчим как поехал на заработки куда-то, то мы ничего и не слышали о нем. Поэтому мама всеми способами пыталась заработать на хлеб. Даже начала варить самогон. Вскоре власти узнали о ее промысле, и она попала в тюрьму. Я же осталась одна.

Не боялась, потому что по-детски, видимо, не понимала своего положения. Не знала, что этот мир не жалеет, не греет так, как мама, а лишь ступи шаг не туда - и ударит больно, кто знает, устоишь ли на распутье судьбы.

Обсудив мое положение, сельские власти решили временно отдать меня на воспитание в бездетную семью.

Мужчина с женщиной, что меня приняли, каждый день шли работать, а мне оставляли всю домашнюю работу. Что не умела делать - училась, где хотелось плакать - сдерживалась. Хотя становилось горько за то, что выполняла совсем не детскую работу, а потому в восемь лет пришлось становиться совсем взрослой. Носила воду из колодца, варила в печи скоту есть, кормила ее, поила, пасла. А хозяйка обязательно давала еще и вышивать, когда я шла на пастбище. Вечером меня ждала проверка вышитой работы. Когда же

женщина находила какую-то ошибку, то без жалости колола мои руки. Терпела. Хотя плакала душа, переживая пережитую физическую боль и печаль. Так не хватало материнского тепла, ласки, которые бы защитили от несправедливости, окутали душу защитным чувством любви!

Не жалели меня в той семье, многое довелось перенести несправедливости и боли.

Однажды их корова, не выдержав жаркого дня, раньше прибежала с пастбища домой. Я - за ней. Когда и хозяин не повременил. — "Почему рано корову пригнала?" — набросился с криком на меня. Конечно, он понимал, что животное само пришло, но ведь был лишний повод меня унижить. Тогда он так больно ударил меня сапогом в живот, что мир передо мной закрутился, померкнув, а потом и вовсе исчез. Не знаю, сколько я пролежала без сознания, но когда встала, пересиливая боль и слезы, снова взялась за работу.

Помню, в те времена массово сеяли на огородах коноплю. Сколько же надо было потрудиться, чтобы иметь из них полотно! Сначала собирали растения, мочили в воде, потом били ее, мяли ногами - и это не весь процесс. Так, каждый вечер, в сезон сбора конопли, после другой работы еще и мяла коноплю, чтобы были у хозяйки дорожки, рубашки, полотно...

Часто засыпала - глаза сами закрывались, а голова устало наклонялась на грудь. Та хозяйка хлупала мне в лицо холодной водой, мол, не спать, а работать. Конечно, я понимала,

что это не мать с ее неоспоримой любовью, но хотелось простого человеческого сострадания, понимания.

Проходили дни, месяцы... Мне казалось, что и годы прошли, так долго длился мой «плен». А вот, наконец, вернулась из заключения мама. Тогда я заметила, что надо мной светит приветливое солнце, а рядом колосится налитая солнечной радостью золотая рожь. Казалось, все радовалось мамину возвращению. Встретились мы тогда, как две измученные судьбы. Старшая и младшая. Она - устала от долгого и тяжелого пребывания в заключении, а я... Мне даже не хотелось вспоминать прошлый год. Если бы можно было просто вырвать эту страницу из моей жизни. Хотелось все забыть. Мечталось, чтобы у меня было счастливое босоное детство. Но, к сожалению, так не было.

Все стало идти своим чередом. В девять лет я впервые пошла в школу учиться грамоте. А каждую пятницу дорога вела меня не к дому мамы, а к Паши. К сожалению, Михаил, ее муж, уже умер, но последние два года после их крещения в Адвентистской церкви были самым счастливым периодом их совместной жизни.

Служение в общине стало Пашиной отрадой, а я радовалась тому, что могу поддержать ее в нашем общем стремлении к Богу.

Каждую пятницу вечером в Мисайловке собиралась Адвентистская община. Я снова и снова погружалась в мир замечательных христианских песен, из которых и до сих пор

помню две - "Не богатство земное" и "В день Твой субботний". А каждую субботу с Пашей мы шли в Богуслав.

Богуслав! Само его название говорит о том, что все жители города должны были бы славить и хвалить Бога. Но, к сожалению, мало кто поднимал глаза вверх, чтобы увидеть на небесах своего Творца. И все же память человеческая сохранила пионеров адвентизма в Богуславе. Это братья Лука Сачинский, Вощанский, Федосенко, Горовенко Демьян из Ивок. А посещали общину проповедники Г.И. Цират, Л.Л. Войткевич.

Вспоминается, проповедником тогда в Богуславе был Василий Савич Дымань. Вся атмосфера в собрании была радостной, праздничной. Братья и сестры были одеты в свою лучшую одежду. Все понимали, что пришли пред лицо Божье, потому и выглядеть должны соответственно. Там лилось слаженное пение псалмов, выразительно читалось Слово Божье, там меня удивлял Своей любовью Бог, с Которым я познакомилась на страницах Его Священного Писания. Я вспомнила недавние дни, когда мне было так тяжело думать, что я одна в этом мире. Если бы я это раньше поняла, что на самом деле со мной всегда был Тот, Кто любит и никогда не оставит. Но теперь я знала. И уже никогда не оставляю эту мысль.

Солнечные дни сменялись пасмурными, после веселого лета приходила плаксивая осень, а в нашу жизнь ворвалась жестокая реальность голодного периода. 1930-1933 го-

да пришли на нашу землю, будто страшный сон, в который не хотелось верить.

Чтобы выполнить план заготовок урожая, советское руководство начало кампанию дворового выметания у людей продукции. Кампанию насильственную, безжалостную. Каждый хозяин, беспокоясь о своей семье, старался что-то припрятать. И тут в ход шли всевозможные тайники, которые только можно было придумать.

Фасоль, горох, просо, пшеницу прятали в печах, закапывали в землю, замуровывали в стены. Но приходили «искатели народных богатств» и, как бы зная, где лежит спрятанное, колупали в печах, разрушали стены, а когда ничего не находили, бывало, отбирали одежду, а иногда и дом.

Так, у наших более богатых соседей вынесли на расстеленное на улице покрывало маленьких детей, заперев дом. Позже вернулись, чтобы забрать все вещи, затем продали их по низким ценам всем желающим. Тогда же некоторые мисайловчане оказались в далеких землях Соловков, Сибири, Дальнего Востока, получив еще и тавро в придачу - кулак.

Но жизнь продолжалась и далее, шла настоящая борьба за выживание. Тогда каждый сам выдумывал, что должно стать ему за пищу. В ход шли толченое в ступах сорго, запеченные из листьев блины, а настоящим лакомством была мерзлая прошлогодняя картошка.

Люди массово ходили к скирд соломы, где внутри делали что-то похожее на туннели, залазили туда, вооружившись

палками. Вырвали пучки соломы и молотили, чтобы хоть горстку зерна иметь. Но все человеческие старания как-нибудь выжить все равно не очень помогали: много умерло от голода. Повсюду на улицах лежали мертвые люди, иногда их не успевали вовремя закопать.

Процесс захоронения шел так: односельчане сносили мертвых на лестницах к одной общей яме. Когда она наполнялась, ее засыпали землей, а мертвых ждала другая и так далее. Сколько было таких, что родные не знают их последней пристани и наверное, не знает никто.

Власть не смотрела, кто какой веры. Верующий - значит угроза атеистическому обществу. Значит, надо уничтожать и громить все, что связано с религией, а тех, кто ее проповедовал, надо ликвидировать или заставить отречься от своей веры. Так думали ненавистники христианской идеологии.

В результате церкви громили, использовали не по назначению. Служителей и активных членов православных, протестантских, католических церквей арестовывали и ссылали. Хочется забыть этот период. Но глаза помнят, и слезы не сотрут с памяти те ужасные годы.

Раздел 2

Поиски счастья

Осенью 1932 года к нам из сибирского города Барнаул приехал мамин брат Емельян. Он вспоминал, что, проезжая

по стране, не верил своим глазам: Украина стала как бы детским домом или злой мачехой для родных детей. А эти дети, покидая родительский дом, ехали в мир. Искали лучшей судьбы, хотя каждый горел любовью в сердце к своей страдающей Родине.

Встречали мы дядю Емельяна пустым столом и засеками. Вместе погоревали, пожаловались на судьбу, да и засобирались он домой. А мамапросила его и меня взять с собой. Болела у нее душа за самую маленькую дочь (брат Тимофей еще раньше уехал с семьей, убегая от голода).

А я волновалась: как это я поеду в далекий мир и оставлю мою единственную маму тут. Одну. В голоде.

К железнодорожной станции мы с дядей шли пешком. Знакомая дорога... По ней я ходила из Мисайловки в Богуслав на собрание. Только тогда будто крылья сами выросли и несли в желаемое место, а сейчас, словно кто одел на ноги тяжелую ношу, они сами возвращали назад. В родную хату. К маме.

Дороги я не видела за слезами, а от того, что часто оглядывалась назад, болела шея. Но более страшным и болезненным было ощущение, что больше я маму не увижу. Оно меня не подвело: весной 1933 года мамы не стало...

... Пищи в дорогу с собой у нас не было. Дядя на остановках менял свои вещи на хлеб, легкие продукты. А я еще добывала еду, залезая на третью полку в вагоне, где люди клали мешки с семенами, сухарями, зерном, прогрызла дыру и ела.

Так мы ехали десять суток. Менялись пейзажи за окном. На смену городам и селам пришли леса, которым, казалось, не было конца и края. А поезд ехал вперед и вперед, все дальше увозя меня от родной земли.

... Шумно встретил нас утренний Барнаул. Радостной была Матрена, дочь дяди, которая нас встречала.

Приняли меня за родную. Дали приют у дядиногo сына Ивана Дороганя. Хотя и не была богатой эта семья, никто не говорил зачем им бедная родственница. В их семье не делили на лучших и худших, своих и чужих. За столом хлеб делили на пять равных частей - Ивану, Фене, их двум детям и мне.

Ели мы простую еду, но не голодали, а тепло человеческих сердец приносила в душу уют и спокойствие.

Запомнились мне наши совместные завтраки: на середину стола ставили русскую гордость - самовар, рядом - солонку, так и пили чай с солью.

Шли дни... Я уже стала привыкать к новой жизни, людям, которые меня окружали. Но неожиданно семья Дороганов вынуждена была переехать в Нижнеднепровск к Фениным родителям. Конечно, плакала душа от разлуки с родными людьми. За время, проведенное вместе, я успела полюбить их за искренность и доброту. Вот и сейчас, в день отъезда, Иван пристроил меня в школу. Заботился, чтобы не потерялась одна в этом большом мире, а была между людьми, училась самостоятельной жизни. Итак, следующая останов-

ка моей жизни - интернат.

В Барнауле построили большую ткацкую фабрику, а наша школа поставляла туда кадры - пряжильщиков, мотальщиков, ткачей. Училась я с охотой, единственное чего не хватало, это еды. Было едет какая-то телега, что везет хлеб, а мы с девочками бежим следом, ловя запах свежих душистых буханок.

До сих пор не забываются трещащие сибирские морозы, достигавшие $-30-35^{\circ}\text{C}$. Наша школа была на окраине города, а интернат - в нескольких километрах от нее, то мы не шли, а как можно быстрее бежали туда. А кто имел неосторожность идти, обмораживал колени, щеки, носы... Не помогала ни наша легкая обувь, ни простенькие пальто. Когда я уже стала работницей на фабрике, то одежда была лучше - настоящие теплые зимние пальто, валенки.

Текло размеренно моя жизнь: утром - на работу, целый день за ткацким станком, вечером спешила домой, чтобы отдохнуть.

Конечно, вдали от дома, затурканная ежедневными заботами, я не так часто вспоминала про Бога, сказать, просто имела Его в душе.

Но верить в Него не переставала, знала, что в Нем моя надежда на лучшую жизнь. А когда придет какой момент встать на Его защиту - стану. И такое время пришло. Между рабочими фабрики распространился слух, что во время Всесоюзной переписи населения будет включен вопрос о на-

личии религиозных убеждений. Для атеистического Советского Союза, утверждавшего "религия - опиум для народа", это означало: если не веришь - ты с нами, веришь - присоединишься к древним пророкам.

Целый день я ходила сама не своя. Вспоминала теплые братские встречи в Мисайловке и Богуславе. Это же там во время псалмов, вдумчивого чтения Слова Божьего Господь коснулся моего сердца. Я молилась Ему. Я поверила.

Ночь так долго тянулась от тяжелых мыслей, которые пленили мою голову. Мне было трудно решить, что же говорить на той переписи: верю или нет. В моей сущности как будто боролись не мысли, а добро и зло, правда и неправда. Сказать «не верю» было проще всего: никто же не узнает, что на самом деле я верю и истина проросла в моем сердце. Сказать "верю" - труднее всего, потому что кто хочет умереть за простые слова? Но признание того, что Бог есть, это не простые слова, а свидетельство твоей веры, твоей принадлежности к одной из двух сил, существующих в этом мире. Иисус говорит о таких людях: «Всякий, кто признает Меня пред людьми, того признаю и Я пред Отцом Моим Небесным, а кто откажется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным» (Матф. 10:32,33)

Что бы мы не говорили, Он знает, что мы думаем на самом деле. Долго спорили во мне такие противоречия, но Иисус победил. Я не могла предать Того, Кто отдал Свою жизнь за меня на Голгофе. И когда наступил день переписи - 12 де-

кабря 1936 года, а о религиозных убеждениях никто не спрашивал, это принесло мне странное ощущение. Ведь, я готова была признать Творца своим Богом, но этого не требовали. Значит, я просто пережила экзамен за веру. Хотя никто из людей его не видел, главное что видел Бог и знала я.

Жизнь в стране немного улучшилась, налаживалась и система продажи хлеба, его стали продавать в больших количествах. Сестра присылала известия из Украины и звала домой. Мол, возвращайся, голода уже нет. Я колебалась, потому что встала перед выбором: здесь - работа, друзья, там - только сестра. Но там наверное было что-то еще больше. Сердце хотело в родной дом, духовные корни победили.

...Шел 1938 год, когда я возвращалась домой. Шесть лет назад четырнадцатилетней девочкой я покидала родной дом. С тяжелым сердцем и жгучими слезами оставляла свою голодную страну. Ехала и не знала, как сложится моя судьба дальше, а получилось, что вернулась все-таки домой с опозданием в шесть лет.

Когда ступила на родную Богуславскую землю, казалось, будто я птица, летавшая в чужие края переждать зиму. А когда дома пришло красное лето - крылья сами принесли.

Устроилась бухгалтером на фабрике в Богуславе, жизнь бежала своим руслом. А дома большую часть вечеров проводила в беседах с сестрой Пашей о библейских истинах. Никогда меня не утомляли эти разговоры, когда мы размышляли о крестном подвиге Иисуса, Божьих заповедях, состоянии

человеческого общества по пророчествам Библии.

И, как когда-то в детстве, я с готовностью и без тени сомнения принимала все в свое сердце. Но все же что-то останавливало полностью отдать сердце Богу. Однажды, когда Паша рассказывала о том, что скоро отремонтируют и вернут все церкви, каждый будет свободно служить Богу. Я решила - вот когда это время придет, тогда и буду служить Богу и посвящу свою жизнь Ему, как Паша.

Быть истинным верующим тогда было трудно. Нужна была твердая вера в Бога, которую не разрушили бы ни насмешки людей, ни притеснения и гонения. Во время 1932-1933 годов начались репрессии: запретили проводить богослужения, всячески преследовали верующих. Но вспомнилось, что во времена первоапостольской церкви, во время гонений, верующие еще больше укреплялись в своей верности следованию за Богом, еще больше доверяли Ему, полагаясь на обеты. Они своими глазами видели, как сбывается пророчество Христа: «Если мир ненавидит вас, знайте, что прежде возненавидел Меня. Если бы все были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15:18,19).

Так и сейчас ничто не останавливало братьев и сестер приходить на поклонение Творцу - ни люди, ни непогода. А метели, морозы зимой, дожди и размытые дороги весной и осенью были лучшим временем для собраний, потому что в такую погоду их преследователи любили сидеть дома. Верую-

щие закрывали в доме окна одеялами и подушками, тогда славили Бога в песнях, читали библейские истины. Вспоминали прошлые времена, когда без страха собирались на богослужения, проповедовали Слово Божье ближним, крестили людей. Вспоминали и крещение в Богуславе в 1926 году на реке Рось, которое совершал брат Димань В.С., руководивший тогда общиной.

Он написал стихотворение, посвященное тому событию:
Богуслав давно уже знавший
Весть последнюю, уснул,
Но, как витязь крепко спавший,
Он проснулся и вздрогнул.

А потом пришел в движение
И спешит к потоку вод,
Где свершается крещенье
Адвентистов в этот год.

Богуслав, восставший снова,
Уж не может больше спать,
Но он ищет правды слова,
Хочет светом обладать.

Массы алчущих толпою
В ожиданье торжества
Разместились над рекою

Повсеместно без числа.

И как в храме средь природы
Гимны Господу звучат.
Вместе с словом для народа
И для новых Божьих чад.

Горы издали взирают,
Скалы, к глади вод склонясь,
И, участие принимая,
Торжествуют, веселясь.

Вся природа торжествует,
Видя в этом образ свой,
В день который возликует
Возрождающийся святой.

Рось же, быстро и шумливо,
Протекая средь камней,
Восприняла молчаливо
Вглубь крестившихся людей.

Но не с тем, чтоб непременно
Их телесно схоронить,
А чтоб в Духе совершенно
И в сердцах их обновить.

И вот вновь они восстали
Из ее среды живой
И, сомкнувшись, хором стали
Славить Бога всей душой.

Что за чудный вид картины
Можно было наблюдать;
С прилегающей вершины
И все в красках передать.

В дар прекрасный Богуславу
И на память всем вокруг
О всем том, что в Божью славу
Совершил Господний Дух.
12.06.1926 г.

Вспомнились и собрания, проходившие в Мисайловке. Я только пошла в школу, а по вечерам перед субботой мы с Пашей ходили в Вистратенков, где проходили служения. Там я познакомилась с их старшими дочерьми Оксаной, Александрой и Лизой. Мы вместе учились песни, пели. Преданно служила Богу эта семья.

Брат Зиновий воспитывал в любви к Богу всех своих девятирех детей. Одна из его дочерей, Александра, стала женой Богуславского пресвитера Николая Ляшенко, а его са-

мый маленький сын Григорий некоторое время был младшим пресвитером в общине. Также две дочери Ирина и Галина, когда вышли замуж, вместе с мужьями вышли на духовную работу.

Как вспоминал сын Зиновия Вистратенко Алексей, отцу пришлось многое пережить. Сначала - раскулачивание, потом, как верующему - обвинительное клеймо «враг народа». Где-то в 1932-1933 годах они выехали в Крым, где, переживая голод, прожили до 1941 года. Вернувшись в Богуслав, здесь и встретили войну...

Вспомнились и времена, когда в разные периоды нашу общину посещали старшие братья. Приезжали они со словом наставления, советами. Своей поддержкой подбадривали верующих. Это были братья Бондарь Г.С., Яковенко, Сильман П.Г., Лильник Ф.В.

Это все всплывало в памяти, и я хотела служить Богу в лучшие, более легкие времена. Может, я бы так долго ждала тех лучших лет, но неожиданно все планы разбила война...

Раздел 3

Время войны и время мира

Казалось, прилагательное "многострадальный" и название нашей страны - это слова синонимы. Даже наш государственный гимн начинается словами: «Еще не умерла Украины ни слава, ни воля...». Автор этих слов, как бы хочет сказать, до-

казать кому-то, что наша страна все еще жива вопреки чьим-либо попыткам. Видимо, так и есть. Ведь во все века на нашу привлекательную землю посягал кто-то чужой. Многие завоеватели хотели, чтобы такой страны не было на карте мира, а ее плодородные почвы, бескрайние поля, древние леса, текучие реки, голубые озера вошли в состав именно их государства.

И вот в который раз нашей земле пришлось пережить страшное нашествие чужеземцев. Но, в отличие от времен древних скифов, это становилось все страшнее и болезненнее, потому что орудия убийств совершенствовались. Уже не стрелы из луков поражали людей, а пули, гранаты, мины, бомбы, невосполнимо уничтожавшие живое и неживое.

Еще оставались живы многие люди, что помнили Первую мировую войну. Они с ужасом перенесли эту злую весть, потому что не по слухам знали, что это такое - эта война.

Хотелось бы немного прикоснуться к истории Богуславской общины довоенного и военного периода.

После брата Диманя здесь работал брат Деревинский, потом брат Реза. Это были тяжелые для церкви времена.

В эти годы работали братья Клювак, Верещак. Позже все братья были арестованы и сосланы. Вспоминается, когда брата Резу арестовали, его жена Вера всех четверых детей переоформила на свою девичью фамилию. Они стали Голубовичи. Все военные и послевоенные годы пришлось им тяжело переживать. Когда же дети подросли, стало немного

легче. Зарабатывали на кусок хлеба, вязали детские шапочки. Пережили время, когда старшая дочь Наталья простудилась и в 1950 году умерла. Да как тяжело не было, эта семья не оставила Бога.

Быстро продвигались немцы на восток. Началась мобилизация. Всех мужчин забирали на фронт. Чуть раньше я упоминала, что и богуславских братьев не прошло это участие, они за отказ взять в руки оружие были наказаны. Некоторых и след затерялся на адских дорогах войны.

Мисайловцы собирались ночью у сестры Дяченко Пелагеи, чтобы молиться о защите Бога на нас,

схваченных братьев и всю страну, охваченную боями. Через два часа становились на колени, умоляя Господа дать нам большую веру и изливая все переживания в молитвах.

Вскоре дошло известие, что немцы уже в Розкопинцах близ Богуслава. Звуки выстрелов через некоторое время стало слышно и в Мисайловке. Люди бежали, прячась кто куда. И в том паническом живом потоке я растерялась, но решила идти, куда люди идут. Я говорю сестре: «Паша, пойдем быстрее. Спрячемся.» А она мне: «Ты что, Надя, я никуда не пойду. Я в своем доме буду молить Бога, чтобы он спас нас от гибели.» Меня поразила ее вера, но я не могла оставаться здесь, где даже кожей ощущалась опасность раскаленной атмосферы наступления войны. Побежала я в тайник нашей невестки Ульяны, жены брата Тимофея (Его самого еще сначала забрали на фронт. Так он больше и не вернулся, оста-

вив сиротами троих детей).

В их подвале уже собралось много односельчан, и никто в том месте уже не был неверующим - все молились.

Совсем рядом падали снаряды, раздавались взрывы. Воздух гудел, стонал. Из разных мест деревни, из незаметных укрытий к Богу в небо неслись искренние молитвы людей о спасении.

Я думаю, каждый тогда что-то говорил Богу, что-то обещал. Обещала и я. «Господи, — молила в слезах, — сохрани меня живой. Как только выйду отсюда, пойду служить Тебе, ничего не стыдясь, и не оставлю Тебя."

У

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.